

BOOK REVIEWS/КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

Георгий Иосифович Чернявский. *Лев Троцкий*. Москва: Молодая гвардия, 2010. 665[7] с. ISBN: 978-5-235-03369-6.

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) – один из тех крупных исторических деятелей, судьба которых, изобилующая драматическими поворотами, дает наиболее богатый материал для биографов. Неудивительно, что количество книг о нем на разных языках перевалило уже за два десятка. При этом фигура Троцкого – одна из самых мифологизированных в политической истории XX века. В советской историографии сталинского периода он изображался как воплощение абсолютного зла, отъявленный враг Советской власти и “обершпион”. В дальнейшем, сохранив основные сталинистские мифы, советские авторы лишь переместили его из “авангарда” в “обоз” реакции. “Перестроечная” историография продолжала наделять его демоническими чертами, но теперь он (с подачи писателя-генерала Д. Волкогонова) превратился в “демона революции” – воплощение левацкого революционаризма и экстремизма. В последнее время российские авторы “национал-патриотического” толка все активнее фантазируют на тему о его связях со спецслужбами западных государств и мировой (сионистской) “закулисой”.

Совершенно иной образ Троцкого рисует другая историографическая традиция, для которой он не демон, а, по определению И. Дойчера, пророк революции и подлинного коммунизма. Именно в этом ключе выдержан крупнейший труд последних десятилетий об идеях и деятельности Троцкого и его последователей после революции – семитомное исследование В. Роговина “Была ли альтернатива?” (1992-2002). Собрав богатый фактический материал, почерпнутый преимущественно из опубликованных источников, автор не избежал идеализации своего героя, представляющего как безупречный политик и титан мысли.

Таким образом, заинтересованный русскоязычный читатель сталкивается с дефицитом работ, где давалось бы не фрагментарное, а целостное и объективное описание жизни, деятельности и идей Льва Троцкого, – исследований, особенно актуальных в контексте продолжающихся споров о сталинизме, борьбе с которым Троцкий посвятил значительную часть своей жизни.

Очередную попытку исследовать жизненный путь Льва Троцкого предпринял харьковский историк Г. И. Чернявский. Он известен не только своими работами по истории Болгарии и русско-болгарских отношений, но и книгами о выдающемся революционере, одном из лидеров троцкистской оппозиции Х. Г. Раковском и о тоталитарных системах XX века. Живя с середины 90-х гг. в США, Чернявский ведет также большую работу по публикации документов Троцкого и троцкистской оппозиции из американских архивов: совместно с Ю. Г. Фельштинским им был составлен девятитомный сборник “Архив Л. Д. Троцкого”, размещенный в Интернете.¹ Именно материалы Гарвардского архива и архива Гуверовского института в Стэнфорде, наряду с документами из фондов российских архивных хранилищ (РГАСПИ, ГАРФ, РГВА) составили существенную часть обширной источниковой базы, на которую опирается книга “Лев Троцкий”.

Чернявский поставил перед собой цель осветить биографию Троцкого максимально объективно, без ненависти и восторженности, черносотенных и сталинистских мифов. Полной мировоззренческой беспристрастности, конечно, не получилось, да и сложно было бы ожидать ее от автора, пишущего о сюжетах относительно недавней политической истории, которые продолжают вызывать идейные баталии и сегодня. Позиция Чернявского выражена в его открытых симпатиях к “разумным и четким” воззрениям умеренных либералов, конституционных монархистов начала XX века (с. 79), а потому революционеры в целом и Троцкий в частности характеризуются им как экстремисты, догматики, социальные утописты. Из авторского повествования читатель может заключить, что молодой Лев Бронштейн стал социалистом, поддавшись своеобразной моде на революционность, широко распространенной в российском обществе. Но почему революционные настроения имели такую популярность? Было ли это вызвано какими-то объективными причинами, связано с реальными проблемами общественной жизни, положением народа? К сожалению, несмотря на заявленное в предисловии намерение представить Троцкого “в контексте эпохи” (с. 16), эти вопросы остаются в книге Чернявского без ответа.

В оценке личных качеств Троцкого автор тоже довольно суров, отмечая его высокомерие, черствость, склонность к позе и популистской демагогии, “авторитарную ментальность”. (с. 157, 171,

---

1. <http://www.lib.ru/TROCKIJ>

648) Но все же предстающий на страницах книги политический портрет далеко не одноцветен: Троцкий, признает автор, в отличие от Сталина и многих других большевистских деятелей был не *политиканом*, цинично использующим идеологию для утверждения у власти, а *политиком*, для которого идейные принципы стояли на первом месте. Революционный идеалист, он искренне стремился к реализации целей социалистического движения, а его представления о “рабочем государстве” не вписывались в тоталитарную модель общества, которая складывалась в СССР на протяжении 20-х годов.

Характеризуя деятельность Троцкого в период до 1917 г., автор довольно подробно описывает его участие во фракционной борьбе в РСДРП, где он занимал особую, самостоятельную позицию, не примыкая с 1904 г. ни к большевикам, ни к меньшевикам. Хотя политический радикализм роднил его с большевиками, он, как показывает Чернявский, не мог принять диктаторские методы Ленина во внутривнутрипартийных делах. Обособленности Троцкого от основных партийных фракций способствовала и его оригинальная концепция “перманентной революции” – представление о характере и перспективах революционного процесса в России, не совпадавшее ни с меньшевистскими, ни с большевистскими воззрениями. Политические и организационные разногласия, усугубленные столкновением личных амбиций в эмигрантской среде, вылились в затяжной конфликт Троцкого с Лениным, которому уделяется немало внимания на страницах книги. И только в 1917 г., в условиях начавшейся новой революции, Троцкий быстро сблизился с большевиками, сразу же войдя в высшее руководство в РСДРП(б).

Почему же “Иудушка”, как зло именовал его Ленин, вдруг превратился в авторитетного большевистского вождя, близкого соратника Ильича? Чернявский предлагает очень простой ответ: Троцкий “капитулировал” перед большевиками, присоединился к ним потому, что видел в них единственную реальную силу, способную взять власть в России; его “непосредственной задачей” стало в 1917 г. “оказаться в малочисленной группе высших вождей”, управляющих государством. (с. 188) Таким образом, автор, вопреки собственной концепции, изображает Троцкого в данном случае как “политикана”, принесшего свои принципы в жертву овладению властью. В действительности дело, повидимому, обстояло гораздо сложнее. “Апрельские тезисы” Ленина, про-

возгласившие курс на социалистическую революцию, знаменовали резкий поворот большевиков от прежнего курса на “демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства” к борьбе за “диктатуру пролетариата” – шаг, который ряд видных большевиков счел изменой постулатам “старого большевизма”. По мнению Троцкого, это “первооружение” означало приближение большевистской партии к установкам его доктрины “перманентной революции”. Так что его объединение с большевиками стало результатом не “капитуляции” одной из сторон, а движения навстречу друг другу.

Если бы обладание властью на самом деле являлось главной целью Троцкого, он мог бы легко захватить ее в свои руки после смерти Ленина в 1924 г. Ресурсы для этого были: руководство военным ведомством, поддержка со стороны значительного числа коммунистов, личная популярность. “Нет никакого сомнения, – писал он позднее, – что произвести военный переворот против фракции Зиновьева, Каменева, Сталина и проч., не составляло бы в те дни никакого труда и даже не стоило бы пролития крови”.² Но превратиться в “красного Бонапарта” значило грубо нарушить коммунистические принципы, и Троцкий не пошел на это, предпочтя вступить со сталинским аппаратом во внутривнутрипартийную борьбу, которая в сложившейся политической системе давала оппонентам генсека очень мало шансов на победу.

Впрочем, Г. И. Чернявский согласен, что герой его книги не стремился “стать единоличным диктатором”. (с. 188) Одна из важных причин этого заключалась в его еврейском происхождении: он “осознавал, что не имеет возможности в переломный момент возглавить правительство страны, значительная часть населения которой испытывала предубеждение против евреев”. (с. 197) По той же причине Троцкий в октябре 1917 г. отклонил предложение Ленина занять в первом советском правительстве пост наркома внутренних дел, чтобы “давить буржуазию и дворянство”. К этому можно было бы добавить отказ Троцкого стать единственным заместителем Ленина как председателя Совнаркома. Отстраняясь от ключевых государственных должностей,

---

2. Л. Д. Троцкий, “Почему Сталин победил оппозицию?”, *Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)*, 46 (1935): 3.

Троцкий не хотел “подать нашим врагам повода утверждать, что страной правит еврей”.³

Апогей политического влияния Троцкого, по мнению Чернявского, пришелся на период с октября 1917 по март 1918 г. После конфликта с Лениным по вопросу о Брестском мире и отставки с поста наркома по иностранным делам его “статус понизился”, “он уже не был вторым большевистским вождем”. Ленин и другие большевистские функционеры, пишет автор, с этого времени начали смотреть на Троцкого “с опаской”, видя в нем излишне рьяного поджигателя европейской революции. (с. 224) Однако никаких свидетельств разногласий между Лениным и Троцким по вопросам международного революционного движения, равно как и снижения роли последнего в большевистском руководстве в период гражданской войны, автор не приводит. “Опасливое” отношение главного вождя большевиков к Троцкому в книге явно преувеличивается. В подтверждение своего тезиса автор, цитирует, например (почему-то по американскому изданию, в обратном переводе с английского), фразу Ленина о Троцком, приведенную в воспоминаниях М. Горького: “С нами, а не наш”. (307) Между тем, в первом издании очерка Горького о Ленине (1924 г.) эта фраза отсутствовала и появилась только в 1931 г., во второй редакции воспоминаний, “пересмотренных” Горьким по просьбе советских издателей.

Среди расхожих суждений о Троцком в публицистической литературе существенное место занимают утверждения о его особой жестокости в период Гражданской войны и органической приверженности “военному коммунизму”. Книга Чернявского показывает в значительной мере мифологизированный характер такого рода представлений. В качестве руководителя Красной армии Троцкий действительно проводил жесткую политику, но “не был оголтелым садистом”. (с. 236) Автор полагает даже, что, если бы речь шла не о братоубийственном конфликте, а об обороне страны от внешнего врага, его жесткость могла бы считаться оправданной. Бессмысленных репрессий, наподобие утопления Сталиным собственных офицеров, огульно обвиненных в измене, он не применял. По мнению автора, нет никаких оснований и для того, чтобы считать Троцкого “особенно ‘крутым’ в проведении политики военного коммунизма”. (с. 292) Напротив, именно

---

3. РКП(б): внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы 1923 г. (Москва: РОССПЕН, 2004), с. 259.

он в феврале 1920 г. первым среди большевистских лидеров выдвинул идею перехода от принудительной продразверстки к взиманию с крестьян натурального налога, но это “еретическое предложение” было тогда отклонено партийно-государственным руководством.

Взгляды Троцкого на НЭП и его противоречия излагаются в книге кратко. Тем не менее, автор показывает, что противником НЭПа (еще один историографический миф) Троцкий не был. Его известный доклад “О промышленности” на XII съезде РКП(б) отражал “довольно объективный” подход к анализу хозяйственных проблем страны, понимание значимости рыночных отношений в переходный к социализму период. (с. 325) Троцкий, отмечает автор, прислушивался к рекомендациям экономистов из числа “старых специалистов”, а верность идее мировой революции не мешала ему выступать за активное экономическое сотрудничество с зарубежными странами. Вместе с тем, именно он стоял у истоков советского хозяйственного планирования, наметив его принципы еще в 1920 г. в приказе № 1042 о развитии железнодорожного транспорта, а затем предвосхитив пятилетние планы в статье 1926 года “Развитие промышленности и народного хозяйства в целом”.

Превращение Троцкого в лидера антисталинской “левой оппозиции” в компартии Г. И. Чернявский связывает не только с его стремлением сохранить свое политическое влияние и не допустить монополизации власти в руках генсека, но и с тем, что Троцкий не мог смириться с тоталитарной эволюцией большевистского режима. Будучи убежденным сторонником революционной диктатуры, “все же в глубине души он не был в состоянии избавиться от юношеских надежд на возможность построения рабочей партии не на базе психологии осажденной крепости и вытекающего отсюда безоговорочного подчинения начальству, а с учетом самостоятельности рядовых масс”. (с. 435) Иными словами, Троцкий являлся сторонником более либерального варианта коммунистического режима, нежели тот, который насаждался сталинистами. Это проявлялось, в частности, в его отношении к вопросам культуры, духовно-интеллектуальной жизни: здесь он, как показано в книге, выступал противником диктатуры, командных методов, а в конце жизни даже поддерживал требование “анархического режима индивидуальной свободы” в сфере умственного творчества. (с. 589) Однако субъективные

устремления Троцкого противречили тенденциям развития режима однопартийной диктатуры, в установлении которой он сыграл ключевую роль. Эти тоталитарные тенденции способствовали возвышению Сталина, а Троцкий, несмотря на то, что был “на голову выше по кругозору и интересам остальных членов Политбюро” (342), оказался обречен на поражение в политической борьбе.

Анализ идей и деятельности “левой оппозиции” Троцкого не относится к числу сильных сторон рассматриваемой книги. Возникновение оппозиции автор датирует 1926 годом, игнорируя деятельность оппозиционеров во время внутривнутрипартийной дискуссии 1923 г., в которой видит лишь споры “на узких конклавах высшей элиты”. (с. 339) Платформу оппозиционеров 1923 года “Заявление 46-ти” он упорно именуется “Заявлением 47-ми”,⁴ а завершение дискуссии датирует началом декабря 1923 г., хотя именно с этого времени она развернулась в полную силу, охватив низовые партийные ячейки. Сама “левая оппозиция” шаблонно изображается как состоявшая из некоторых старых партийцев, части военных и “экзальтированных комсомольцев” (с. 359), причем все они будто бы капитулировали в конечном итоге перед Сталиным. О сотнях “неразужившихся” троцкистов (сами они называли себя “большевиками-ленинцами”), продолжавших организованное сопротивление даже в ГУЛАГе и физически истребленных, но не сломленных сталинским режимом, Чернявскому, по видимому, не известно.

С довольно поверхностным рассмотрением сюжетов, связанных с оппозицией, контрастирует подробное описание отношений Троцкого с представительницами прекрасного пола. Автор цитирует его сугубо интимные письма жене Наталье Седовой, явно не предназначенные для широкой публики, красочно живописует “любовные аферы” с писательницей-революционеркой Ларисой Рейснер, английским скульптором Клэр Шеридан. . . . Что дает Г. И. Чернявскому основания с уверенностью утверждать об “интимных связях” Троцкого с этими женщинами? Остается только гадать, потому что никаких документальных свидетельств этого в книге не приводится. Автор ссылается,

---

4. По-видимому, автора ввело в заблуждение дублирование подписи А. Гольцмана под документом.

4. Armand Hammer (with Neil Lyndon), *Hammer* (New York: Putnam, 1987), p. 157.

например, на воспоминания К. Шеридан о ее поездке в Москву в 1920 г., но в его чрезмерно творческом пересказе они становятся мало похожи на оригинал, в чем можно убедиться, обратившись к первоисточнику. Все это придает книге Чернявского легкий оттенок “желтизны”, хотя, возможно, столь существенное внимание к эпизодам из категории “интимная жизнь вождей” объясняется не столько выбором автора, сколько стремлением издателей вызвать интерес у максимально широкой читательской аудитории.

В целом же новая книга о Льве Троцком выполняет полезную историографическую миссию. Несмотря на свои недостатки, она содержит систематическое, последовательное изложение биографии этого выдающегося революционера, политического деятеля и мыслителя. Не претендуя на какие-либо крупные исторические открытия, она доступно и в хорошей литературной форме обобщает имеющийся материал, причем в отличие от работ историко-публицистического жанра включает многочисленные ссылки на источники. Ее достоинством является и обращение к таким не привлекавшим ранее внимание исследователей сюжетам, как миссия Троцкого в Болгарию в 1910 г. с целью примирения фракций местных социал-демократов и его анализ Балканских войн 1912-1913 гг. (здесь Г. И. Чернявский выступает во всеоружии как специалист по балканской проблематике).

Автор, конечно, не закрыл тему жизни, деятельности и идей Л. Д. Троцкого, однако внес свой вклад в создание основы для ее дальнейшего изучения и освещения. Троцкий предстает на страницах книги не как пророк или демон, а как “последний великий коммунист-утопист”. (с. 650) Действительно, многие его мечты и предсказания не сбылись, но в чем-то он оказался прав, сумев, например, предвидеть крах сталинистского режима и движение мира по пути экономической и политической интеграции. И даже если идеи “великого коммуниста” были в основном утопически, они сыграли свою роль в истории и нуждаются в осмыслении. Тем более, что, как говорил известный критик утопизма Т. Молнар, “покончить с утопиями – это и есть утопия”.

А. В. Гусев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Alexei-gusev@yandex.ru